

Н.И. Харузин

Этнография

**1. Часть общая. 2.
Материальная культура**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Харузин**
Этнография: 1. Часть общая. 2. Материальная культура / Н.И. Харузин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 353 с.

ISBN 978-5-518-07259-6

Николай Николаевич Харузин (1865, Москва — 25 марта (7 апреля по новому стилю) 1900, Москва) — российский этнограф, один из основателей российской этнографии, историк и археолог, последователь эволюционной школы. Его исследования посвящены обычному праву, религиозным представлениям, истории жилища, особенностям семейных и родовых отношений у разных народов. Среди работ Харузина, считающихся классикой российской этнографии, — исследования традиционной культуры (включая обряды и традиционные верования) саамов, хантов, манси, финнов.

ISBN 978-5-518-07259-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРИЛОЖЕНИЯ.

	СТР.
I. Указатель источниковъ къ первому выпуску (составленъ <i>В. Харузиной</i>)	307
II. Алфавитный указатель именъ и предметовъ (составленъ <i>Ал. Харузинымъ</i>)	314
III. Списокъ трудовъ Н. Н. Харузина	339

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ.

Этнографія, получившая обликъ науки въ недавнее время, имѣетъ свою долгую исторію развитія. Съ древности человѣка привлекали «своеобразныя особенности» быта сосѣда. Народы, достигшіе извѣстнаго культурнаго развитія, наблюдали издавна жизнь менѣе цивилизованныхъ племенъ. Вдумчивое сопоставленіе явленій собственной жизни съ явленіями у чужихъ племенныхъ группъ открывали закономерность развитія человѣчества. Минувшее столѣтіе ознаменовалось въ области народовѣдѣнія накопленіемъ обильнаго матеріала, требовавшаго обобщенія и выводовъ. Примѣненіе индуктивнаго и сравнительно-историческаго методовъ, на ряду съ методомъ разслѣдованій въ области переживаній, а равно вспомогательныя для народовѣдѣнія науки,—дали этнографу мощный рычагъ для установленія своихъ законовъ.

Въ Россіи этнографія, какъ наука, не завоевала еще столь прочнаго, какъ въ Западной Европѣ, положенія, и не всѣ наши Университеты открыли новой наукѣ свои двери. Между тѣмъ Россія, занимая громадныя пространства, населенныя сотнями племенъ, представляетъ обширное поле для изслѣдованія жизни человѣка въ ея матеріальныхъ и духовныхъ проявленіяхъ. Поэтому этнографія—наука, изучающая бытъ народовъ и отыскивающая законы, по которымъ шло развитіе человѣчества—встрѣчаетъ у насъ неисчерпаемый и разнообразный матеріалъ, получающій справедливую оцѣнку по мѣрѣ его накопленія, изученія и обработки. Низкій уровень цивилизаціи многихъ народностей нашего отечества, ихъ чрезвычайное разнообразіе, вызываемое расовыми особенностями и условіями географическаго характера, взаимное

влияніе расъ, ихъ смѣшеніе, миграціи создаютъ у насъ особенности быта, разобратъся въ которыхъ призваны люди, посвятившіе себя изученію разныхъ научныхъ системъ и главнымъ образомъ этнографіи.

Русское племя наложило свою руку отъ Балтійскаго моря до Великаго океана и отъ Ледовитаго до Чернаго моря, за Кавказскій хребетъ, за Аральское озеро, въ глубь Средней Азіи и до предѣловъ Срединной имперіи. На этомъ пространствѣ оно распространялось медленно, постепенно, хотя и упорно. Русское племя вліяло на чуждыя ему по крови и духу племена. Оно воспринимало ихъ влияніе, приспособляясь къ особенностямъ быта тѣхъ народовъ, которые съ теченіемъ вѣковъ входили въ сферу его культурно-историческихъ интересовъ. Изученіе русскаго племени представляетъ поэтому выдающееся значеніе. Изученіе исторіи развитія его есть вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ культурныхъ явленій на Европейско-Азіатскомъ материкѣ.

Русскій народъ не оставался, какъ сказано, въ теченіе своей многолѣтней жизни свободнымъ отъ вліяній сопредѣльныхъ съ нимъ племенъ. Эти племена, сливаясь въ одно общее море, вносили частицы своего быта, взглядовъ, воззрѣній—всей своей психической жизни въ одно общее цѣлое. Поэтому явленія, служащія у насъ объектомъ наблюденія этнографіи, разнообразны и сложны. Изучая ихъ, русскіе изслѣдователи вносятъ драгоценныя вклады въ общую сокровищницу знаній. Кромѣ того этнографія на нашей почвѣ пріобрѣтаетъ, сверхъ чисто научнаго, и общественно-государственное значеніе, такъ какъ безъ знанія народной жизни парализована всякая работа по ея устроенію, служащаго залогомъ ея развитія. Въ связи съ этимъ, этнографія въ Россіи не должна составлять удѣла только ученыхъ. Она требуетъ и заслуживаетъ общаго вниманія; она должна входить въ число общеобразовательныхъ знаній.

Основные черты развитія одинаковы для всего человѣчества. Но оно, развиваясь по однимъ кореннымъ законамъ, вырабатывало въ предѣлахъ отдѣльныхъ географическихъ районовъ тѣ своеобразныя черты, которыми характеризуются расы и племена. Народы Россіи уже давно сдѣлались предметомъ наблюденій. Правда, одновременно преслѣдовались въ этихъ наблюденіяхъ разныя

задачи, но накопившийся матеріалъ велъ къ одной цѣли—къ изученію исторіи матеріальнаго и духовнаго развитія человѣка. Чтобы понять и правильно объяснить явленія этого развитія, какъ и психики даннаго народа, недостаточно вращаться исключительно въ области фактовъ. Фактическій матеріалъ долженъ укладываться въ систему. Только «правильное, точное и систематизированное знаніе», т. е. наука, способна руководить наблюдателемъ, направлять его въ область освѣщенія явленій и придавать его изслѣдованіямъ должное значеніе.

Лекціи Н. Н. Харузина являются первымъ трудомъ на русскомъ языкѣ, приводящимъ въ систему изученіе этнографическихъ явленій. Одна изъ особенностей, отличающихъ его отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, заключается въ введеніи многочисленныхъ фактовъ изъ жизни русскаго племени и нашихъ инородцевъ. Иностранные авторы, плохо вооруженные въ области знанія нашей жизни и незнакомые, по незнанію языка, съ нашими литературными источниками, лишь мало, какъ бы попутно, захватываютъ этнографическія данныя Россіи.

Приступая въ настоящее время къ изданію перваго выпуска «Этнографіи», редакторы считаютъ нужнымъ объяснить слѣдующее. Лекціи Н. Н. Харузина, подвергаясь, въ связи съ ростомъ литературы, постояннымъ дополненіямъ, не были авторомъ приготовлены къ печати, вслѣдствіе чего онѣ не могли не подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ. Однако, эти измѣненія ни въ чемъ не коснулись существа изложенія и носятъ чисто редакціонный характеръ, отразившійся на внѣшней сторонѣ изложенія. Система лекцій осталась равнымъ образомъ неизмѣнной, и редакторами установлено лишь дѣленіе на главы, вытекавшее, впрочемъ, изъ самаго содержанія текста. Редакторы не считали нужнымъ подкрѣплять цитаты ссылками тамъ, гдѣ имя и трудъ цитируемаго автора достаточно извѣстны. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда цитаты заимствованы изъ мелкихъ и поэтому мало знакомыхъ читателямъ статей, онѣ помѣчены соотвѣтственными выносками.

Въ концѣ выпуска помѣщенъ перечень трудовъ, легшихъ въ основаніе его содержанія. Предполагая придерживаться той же системы при изданіи и слѣдующихъ выпусковъ, редакторы имѣютъ въ виду приложить къ четвертому выпуску подробный библиографиче-

скій указатель главнѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ этнографіи. Такъ какъ настоящее изданіе должно служить не только для чтенія, но, въ виду обилія включеннаго въ него матеріала, также и для справокъ, то редакторы признали необходимымъ снабдить его систематическими указателями именъ и предметовъ. Указателями этими, въ видахъ практическихъ, заканчивается каждый выпускъ.

І. Часть общая.

І. Введение.

Знаменитый Макс Мюллеръ, открывая въ 1861 году курсъ лекцій сравнительнаго языковѣдѣнія въ Королевскомъ Британскомъ Институтѣ, опредѣлялъ тогдашнее положеніе этой науки слѣдующими словами: «Наука о языкѣ есть наука новѣйшаго времени . . . едва ли она пользуется и до сихъ поръ правами равенства съ другими старѣйшими отраслями наукъ. Даже ея названіе еще не установилось, и разныя имена, которыя она получила въ Англіи, Франціи и Германіи, такъ неопредѣленны и непостоянны, что привели большинство публики къ самому сбивчивому понятію объ истинномъ предметѣ этой новой науки. О ней говорятъ какъ о сравнительной филологіи, научной этимологіи, фонологіи и глоссологіи. Во Франціи она получила приличное, но нѣсколько варварское названіе лингвистики» и т. д.

Приведенныя слова Макса Мюллера въ значительной степени можно примѣнить въ настоящее время къ этнографіи—наукѣ, которая становилась на прочную почву приблизительно въ то время, когда Макс Мюллеру пришлось обрисовать печальное положеніе, въ которомъ находилось тогда сравнительное языковѣдѣніе.

Наука этнографіи—наука новая. Она еще не успѣла завоевать себѣ равноправнаго положенія среди старѣйшихъ сестеръ, и ни цѣли, ни предѣлы ея, ни даже самое названіе ея, еще не опредѣлены вполне и являются спорными: одни ее называютъ этнографіей, другіе этнологіей, иные считаютъ ее частью антропологіи, или частью исторіи, или наконецъ смѣшиваютъ ее съ социологіей. Нѣкоторые ученые считаютъ ее наукой естественно-исторической, другіе причисляютъ ее къ общественнымъ наукамъ.

Такая же неопредѣленность господствуетъ и относительно ея предѣловъ, цѣлей и задачъ. Въ то время, какъ одни ограничиваютъ этнографію исключительно описаніемъ разныхъ племенъ и народовъ, другіе расширяютъ ея предѣлы до науки о человѣчествѣ. Не останавливаясь на подробностяхъ различныхъ мнѣній въ вопросѣ о цѣляхъ и задачахъ этнографіи, слѣдуетъ указать на главныя теченія въ этомъ направленіи, чтобы дать возможность ориентироваться въ противорѣчивыхъ взглядахъ и облегчить такимъ образомъ рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи нашей науки.

Нѣкоторые ученые, какъ сказано, расширяютъ чрезвычайно рамки этнографіи. Такъ, напр. Рони (Rosny), одинъ изъ французскихъ ученыхъ, опредѣляетъ этнографію, какъ «науку о человѣческихъ обществахъ, о *цивилизаци*». «Человѣческія общества, пишетъ онъ, въ ихъ совокупности составляютъ человѣчество. Человѣчество постоянно видоизмѣняется; оно проходитъ отъ некультурнаго состоянія къ состоянію цивилизованному. Это восходящее цивилизующее движеніе называется *прогрессомъ*. При посредствѣ метода преимущественно обобщающаго, этнографія имѣетъ цѣлью, какъ это дѣлала нѣкогда философія, исходить изъ синтеза всѣхъ наукъ, цѣлью которыхъ является изысканіе назначенія и судьбы человѣка». Въ другомъ мѣстѣ Рони замѣчаетъ: «въ настоящее время этнографія не находится больше въ трудномъ зародышевомъ состояніи; теперь—это наука обоснованная, ее можно опредѣлить какъ науку объ интеллектуальномъ развитіи общественныхъ человѣческихъ группъ». «Этнографія, продолжаетъ Рони, такимъ образомъ строго и опредѣленно отличается отъ антропологии, которая занимается человѣческими расами исключительно съ соматологической точки зрѣнія». Другой французскій ученый—Веррье (Verrier) опредѣляетъ этнографію, какъ науку, «которая охватываетъ изученіе человѣчества во всей его эволюціи,—причемъ антропология ограничена изученіемъ физическаго міра человѣка».

Рамки этнографіи, если слѣдовать приведенному опредѣленію, расширяются необыкновенно, и передъ представителями молодой науки раскрывается обширный горизонтъ: по своему содержанію этнографія должна поглотить всѣ науки, объектомъ которыхъ является человѣкъ; съ ней должны слиться всѣ науки, существовавшія до ея появленія на свѣтъ, какъ напр. исторія, также и тѣ, которыя возникли одновременно, благодаря пробудившемуся сознанию необходимости самоизученія. Но если этнографія есть наука о развитіи человѣчества, если она обнимаетъ собой всѣ науки, имѣющія своимъ

объектомъ чловѣка, какъ представителя извѣстной группы, то почему же и Рони и Веррье такъ настойчиво исключаютъ изъ числа этихъ наукъ антропологию и отводятъ ей, хотя и узкое, но вполне самостоятельное поле дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе развитія *человѣчества* не можетъ не касаться и физическаго міра чловѣка, такъ какъ этотъ міръ играетъ существенную роль при развитіи духовнаго быта. Поэтому антропология, если строго слѣдовать приведенному опредѣленію этнографіи, должна, какъ наука, изучающая чловѣка, слиться наравнѣ съ прочими науками съ этнографіей. Это отдѣленіе антропологии находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что многіе ученые отводятъ антропологию какъ разъ ту же область изслѣдованія, которую приписываютъ этнографіи Рони и Веррье. Взглядъ этотъ на антропологию имѣетъ своихъ представителей въ Англии (Тэйлоръ), въ Германіи (Вайтцъ и Герландъ) и особенно распространенъ и даже является господствующимъ, во Франціи. Онъ сводится къ слѣдующему: съ момента, когда наука обратила свое вниманіе на изученіе чловѣка, появилась и особая «наука о чловѣкѣ» — антропология, которая изслѣдуетъ чловѣка со всѣхъ точекъ зрѣнія и изучаетъ какъ физическій строй его, такъ и духовный бытъ постолько, поскольку чловѣкъ образуетъ извѣстныя группы. Какъ таковая,—антропология, естественно, распадается на рядъ отдѣловъ, задачи которыхъ заключаются въ собираніи матеріаловъ для выводовъ. Однимъ изъ такихъ отдѣловъ является этнографія, которая описываетъ и систематически представляетъ бытъ различныхъ народностей. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія указаннаго взгляда, этнографія не только не является *всеобъемлющей* наукой, но даже едва ли можетъ быть названа вообще наукой, такъ какъ роль ея ограничивается простымъ описаніемъ. Мнѣнія Рони и Веррье являются реакціей противъ этого взгляда. Цѣль ихъ—ограничить предѣлы науки антропологии, низвести ее со степени науки *общественной* на болѣе скромную ступень науки чисто естественной, имѣющей дѣло съ чловѣкомъ только постолько, поскольку этотъ послѣдній является частью физическаго міра, принадлежащимъ къ царству животныхъ, наивысшимъ представителемъ котораго является физическая организція чловѣка.

Такимъ образомъ оба приведенныя мнѣнія оказываются диаметрально противоположными другъ другу. Это объясняется какъ тѣмъ, что цѣли обѣихъ молодыхъ наукъ еще какъ-бы не вполне опредѣлились, что имъ не отведено опредѣленнаго мѣста среди болѣе старыхъ отраслей знанія, такъ, наконецъ, и невольнымъ стремленіемъ пред-

ставителей каждой из новородившихся наук отмежевать себя возможно большую и широкую область въ ущербъ другой. Общимъ въ обоихъ опредѣленіяхъ является то, что они основываются на разборъ того матеріала, который слѣдуетъ изучать для уясненія исторіи развитія человѣчества.

Рядомъ съ этими двумя мнѣніями, противоположными другъ другу, въ рѣшеніи вопроса, слѣдуетъ-ли называть исторію цивилизаціи человѣчества этнографіей или антропологіей, существуетъ и третье мнѣніе, основывающее свои опредѣленія этнографіи на этимологическомъ разборѣ названія науки. Этотъ взглядъ на этнографію особенно распространенъ въ Германіи и отчасти находитъ своихъ защитниковъ и во Франціи.

Согласно этому взгляду, этнографія, происходящая отъ греческихъ словъ *ἔθνος*—народъ и *γράφειν*—писать, т. е. въ буквальномъ переводѣ, описаніе народовъ — должна быть осуждена на простое описаніе народовъ, населяющихъ земной шаръ. Будучи, такимъ образомъ, областью знаній исключительно описательнаго характера, она не можетъ являться наукой, но, для удобства обзора различныхъ группъ народностей, этнографія должна приводить собранные матеріалы въ извѣстную систему. Этимъ роль ея ограничивается. Дѣйствительно, благодаря собранному этнографіей матеріалу, является возможнымъ отмѣтить черты сходства и различія въ бытѣ у разныхъ народовъ и племень, отыскать причины сходства или различій явленій и установить извѣстные законы развитія; но тѣмъ самымъ возникаетъ новая наука—*этнологія*, отъ *ἔθνος*—народъ и *λόγος*—наука, т. е. наука о народахъ или, что тоже, о законахъ, регулирующихъ развитіе послѣднихъ.

Приведенное опредѣленіе этнографіи и отдѣленіе отъ нея особой отрасли знанія—этнологіи совершенно правильно съ точки зрѣнія этимологической. Однако оно страдаетъ логическимъ недостаткомъ и является, такъ сказать, споромъ о словахъ: новая наука создается только оттого, что *название* «этнографія» не содержитъ въ себѣ понятія о «наукѣ», а лишь понятіе объ «описаніи».

Въ самомъ дѣлѣ, подъ наукой разумѣется система, задача которой состоитъ въ изслѣдованіи извѣстной совокупности явленій опредѣленнымъ методомъ; она строитъ на основаніи добываемаго матеріала выводы и устанавливаетъ законы. Матеріалъ и выводы во всякой научной системѣ оказываются такимъ образомъ въ тѣснѣйшей, такъ сказать, органической связи другъ съ другомъ, и отдѣлять ихъ другъ отъ друга, значило-бы измѣнять само понятіе о наукѣ. Если